

ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА В КУРСЕ «ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

В. А. Глуценко, В. Н. Овчаренко
Донбасский государственный педагогический университет

Реферат. *Вопрос о выделении закономерностей языковых изменений поднимается в работах многих лингвистов последних десятилетий и остается малоизученным в методологическом и историографическом аспектах. Не все учёные признают параллельное влияние на язык внешних и внутренних причин. История языка в целом тесно связана с историей народа, общества. Однако если рассматривать отдельные уровни языка (фонетико-фонологический, лексический, морфологический, синтаксический), то далеко не всегда можно увидеть зависимость развития языка от развития общества. Это дает основание для разграничения внешних и внутренних факторов (законов, закономерностей, тенденций, причин, условий) развития языка. Внешние и внутренние факторы нередко взаимодействуют: внешние обстоятельства предъявляют определенные требования, а язык, отвечая на них, изменяет те или иные элементы своей системы в соответствии с современными нуждами, с одной стороны, и внутриязыковыми возможностями, с другой.*

Ключевые слова: *внешние и внутренние законы развития языков, теория двух периодов языкового развития, законы аналогии и экономии, закономерности абстрагирования и отчленения элементов языковой структуры.*

В учебных пособиях по общему языкознанию выделены основные закономерности развития языка. Например, А. А. Реформатский отмечает некоторые тенденции в развитии языков [1, с. 350–353]. В. И. Кодухов разграничивает внутренние и внешние законы развития языка [2, с. 195–199], при этом учёный отмечает, что «деление языковых законов на внутренние и внешние в известной степени условно, поскольку язык, общество и познавательная деятельность людей тесно взаимосвязаны» [2, с. 199]. Внешние и внутренние причины языковых изменений выделяет М. П. Кочерган [3, с. 187–200], однако, «не все учёные признают параллельное влияние на язык внешних и внутренних причин» [3, с. 187]. Так, А. Мартине, Е. Курилович и др. признают только внутренние, а А. Мейе, А. Сомерсет, Б. Н. Головин – только внешние причины. Вопрос о выделении закономерностей языковых изменений поднимается в работах ряда лингвистов, но остаётся малоизученным в методологическом и лингвисториографическом аспектах.

Целью исследования является выделение основных законов развития языковой системы, представленных в трудах учёных XIX – XX вв., в контексте использования этого материала в вузовском курсе общего языкознания. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: 1) выяснить, что принципиально новое было внесено тем или иным лингвистом в исследование закономерностей языковых изменений; 2) показать, какие положения ученых сохранили свою актуальность для дальнейших исследований и могут быть использованы в курсе «Общее языкознание» на филологических факультетах.

История языка в целом тесно связана с историей народа, общества. Однако если рассматривать отдельные уровни языка (фонетико-фонологический, лексический, морфологический, синтаксический), то далеко не всегда можно увидеть зависимость развития языка от развития общества. Так, изменение русской глагольной системы нельзя объяснить событиями, происшедшими в жизни народа, общества. То же самое

следует сказать об утрате носовых гласных в большинстве славянских языков. Многочисленные факты свидетельствуют, что многие языковые явления развиваются внутри самого языка; они возникают как обусловленные его внутренними возможностями. Это дает основание для разграничения внешних и внутренних факторов (законов, закономерностей, тенденций, причин, условий) развития языка. Внешние и внутренние факторы нередко взаимодействуют: внешние обстоятельства предъявляют определенные требования, а язык, отвечая на них, изменяет те или иные элементы своей системы в соответствии с современными нуждами, с одной стороны, и внутриязыковыми возможностями, с другой.

Обращение лингвистов к внутренним факторам развития языка является более чем закономерным. В самом деле, каждое новое языковое явление вырастает из уже имеющихся и на их основе. Новые фонемы, морфемы, слова, формы, синтаксические модели, новые отношения между языковыми единицами и категориями исторически обусловлены самим языком, образуются из его «материала» и по его «правилам». Это не значит, конечно, что не может быть очевидных внешних причин появления в языке новых явлений. Так, новые слова появляются в языках, как правило, потому, что они нужны для обозначения новых реалий, для выражения новых понятий науки, техники, производства. Тем не менее внешние причины не создают слов – слова образуются в том или ином языке по его «правилам».

Лингвистам пока что не удалось в полной мере сформулировать основные закономерности, обуславливающие внутреннее развитие языковых систем. Однако уже сейчас можно сделать выводы относительно некоторых таких закономерностей.

1. *Историю языка нельзя рассматривать как процесс деградации.*

Большое распространение в лингвистических исследованиях 20-х – 60-х гг. XIX в. получило положение о двух периодах языкового развития: доисторическом периоде образования и совершенствования грамматических форм (и, шире, вообще языковых элементов разных уровней) и историческом периоде их упадка. В общих чертах теорию двух периодов языкового развития сформулировал Г. Гегель. Её разрабатывали немецкие лингвисты Ф. Бопп, Я. Гримм, В. Гумбольдт, А. Шлейхер, Г. Курциус. Лингвисты отмечают, что в России к этой теории обращались Ф. И. Буслаев и И. И. Срезневский [4, с. 20–21; 5, с. 230–231]. Лингвистические работы 20-х – 60-х гг. XIX в. свидетельствуют, что дань теории двух периодов языкового развития отдавали и такие русские лингвисты, как А. Х. Востоков, Н. И. Греч, М. Н. Катков. В середине XIX в. теорию двух периодов отрицал К. С. Аксаков [6, с. X]: для него, как отмечает В. В. Колесов, развитие языка является проявлением народного духа, поэтому на каждом этапе языковой истории слово имеет свою творческую силу. К. С. Аксаков отрицал представление о двух периодах языкового развития, придерживаясь романтических позиций.

В раскрытии научной несостоятельности теории двух периодов, бесспорно, большая заслуга принадлежит А. А. Потебне. Именно он нанес теории двух периодов один из первых решающих ударов [7, с. 63]. Критикуя положение о деградации грамматических форм во втором периоде жизни языка, А. А. Потебня подчеркивал, что никакой деградации форм нет: исчезают флексии, но общее количество форм не уменьшается.

Квинтэссенцией потебнянской критики теории двух периодов языкового развития можно считать такие слова: «Теория, относившая творчество в языке к доисторическим временам, страдала именно тем, что не могла объяснить, как язык может преуспевать как орган мысли, подлежа в исторические времена лишь действию разрушительных сил, обращённых даже не на одно тело языка – звуки, что со спиритуалистической точки зрения было бы еще понятно, но на его душу: грамматический строй» [8, с. 178].

Аргументы А. А. Потебни были высоко оценены И. В. Ягичем, который отметил «остроту мысли» великого украинского языковеда в освещении недостатков теории двух периодов языкового развития [9, с. 336]. Со временем эта теория подверглась критике в «манифесте младограмматиков» [10, с. 189].

По мнению историографов языковедения, теория двух периодов языкового развития с её искусственными рамками, схематизмом, метафизичностью, с её несоответствием реальным фактам и процессам развития языков существенным образом ограничивала исторический подход к языковым явлениям в 20-е – 60-е гг. XIX в. [7, с. 47–48; 11, с. 248; 4, с. 21; 5, с. 231]. Однако с отрицательной оценкой теории двух периодов языкового развития согласиться трудно. Бесспорно, эта теория имела и положительное значение: в начале XIX в. она стимулировала поиск закономерностей развития языка, помогала систематизировать материал истории индоевропейских языков, а ее дальнейшее преодоление стало возможным благодаря накоплению и осмыслению этого материала, показавшего уязвимость положения о том, что в историческое время (письменный период) языковые системы уже собственно не совершенствуют свои средства, а, наоборот, деградируют, теряют органическую стройность и формальную завершенность [12, с. 25]

Итак, языки, утрачивая определенные грамматические категории, значения, формы, создают новые, которые нельзя оценивать как «лучшие» или «худшие». Поскольку язык не является организмом (вопреки утверждениям приверженцев трактовки языка как естественного феномена), в развитии языков нет периодов расцвета и упадка.

2. Развитие языка осуществляется эволюционным путем, а не путем «скачков». На это указывали еще компаративисты XIX в. Так, А. А. Потебня отмечал «постепенность» процесса «дробления языков» [13, с. 12]. М. А. Колосов писал: «Резкие особенности развития языка или наречия не появляются сразу. Для их постепенного появления нужны сотни лет» [14, с. 266]. В частности, продолжительным представлен процесс падения редуцированных гласных на восточнославянской территории в концепции А. А. Потебни, П. И. Житецкого, А. А. Шахматова и др.

3. Развитие языка является непрерывным процессом. Древнегреческий философ Гераклит учил: в одну и ту же реку нельзя вступить дважды; на втором шаге это будет уже другая река. Так и в языке: через миг это уже другой язык. «Язык находится в постоянном развитии, – писал А. А. Потебня, – и ничто в нём не должно быть рассматриваемо как нечто неподвижное» [15, с. 88]. В частности, в языке «нет ни одной неподвижной грамматической категории» [16, с. 83]; «как сами звуки, так и отдельное значение любого слова имеют корни в очень глубокой старине и в то же самое время вечно развиваются и двигаются вперед» [17, с. 211]. Однако изменения языка за миг незначительны, увидеть их невозможно. А вечность? Или не из ли мгновений складывается она? Незначительные изменения в течение продолжительного времени в сумме дают значительные. Итак, какое-либо описание языка в синхронии всегда является условным: исследователь словно останавливает движение языка, как фотограф останавливает движение человека. И как на фотографическое изображение можно смотреть через много лет, так и на «сфотографированный» язык (язык в синхронии). Еще А. А. Потебня разрабатывал глубокое положение о том, что методика изучения истории языка по синхронным срезам, которой вынуждены пользоваться исследователи, является в значительной мере искусственной; описывая язык на том или ином синхронном срезе (в «точке, которую принимаем за неподвижную»), мы «допускаем условную ложь» [8, с. 14]. В частности, старославянский язык, «наподобие любого другого, изменялся, значит, согласно действительности, мог бы быть изображен только исторически, а не описательно» [8, с. 14]. Таким образом, потебнянская критика методики реконструкции по синхронным срезам основывается на понимании

языкознания как “науки исторической”, на положении о тесной связи синхронии и диахронии.

4. В развитии языка наблюдается преемственность: новое вырастает из старого. Взаимодействие старого с новым и является источником развития. «В одном и том же языке, – писал И. И. Срезневский, – не все превращается равномерно, иное скорее, иное медленнее, и вследствие этого язык становится связью частей, одновременно образованных, древних и новых, но все-таки постепенного превращения нельзя не видеть в изменении всего его строя и характера» [19, с. 21]. Взаимодействие старого с новым и является источником развития: «Этим борением, постоянными уступками старины новизне обозначается общий ход изменений языка» [19, с. 26]. Положение о неравномерности развития элементов языка, поддержанное Ф. И. Буслаевым [20, с. 29], распространяется среди лингвистов. Развивая это положение, А. А. Потебня отмечает, что «в живых языках разрушение старого есть вместе с тем создание нового» [18, с. 516]. Обращение к работам А. А. Потебни показывает, что у него «новое» не только и не столько прибавляется к языку (количественный подход), сколько, присоединяясь, изменяет «старое» и в конце концов даже способно перестроить его (учет качественных изменений в языке) [21, с. 89]. Это положение можно иллюстрировать лексическим материалом. Так, одним из неологизмов русского и украинского языка 70-х гг. XX в. является слово *зебра* в значении «пешеходный переход». Это новое значение возникло на базе старого «дикая африканская лошадь, имеющая полосатую окраску». Вообще образование новых слов лексико-семантическим способом является переосмыслением старых значений и возникновением на их основе новых. Образование слов любым другим способом также всегда базируется на «старом» материале (морфемы, способы словообразования, словообразовательные модели и типы).

5. Разные уровни языковой системы развиваются неравномерно. Наиболее быстро развивается лексика (особенно в периоды значительных социальных изменений), которая четко отображает изменения в жизни общества. Так, в советский период в русском и украинском языках появляются слова типа *колхоз // колгосп, комсомол, нэп // неп, нарком*, даже рус. *шкраб*, которым старались заменить давнее и привычное слово *учитель*. Множество таких слов прошло путь от неологизмов к словам активного употребления и далее - к историзмам (таким образом, эти слова вернулись в пассивный словарный фонд).

6. Во всех языках действует закономерность абстрагирования элементов языковой структуры: на основе более конкретных элементов структуры развиваются менее конкретные. Так, увеличивается количество абстрактных лексем; например, в современном русском литературном языке появились такие слова, как *акклиматизация, урбанизация, даже ваучеризация*. В нём намного больше абстрактных существительных, чем в литературном языке прошлых столетий. Можно привести и другой пример. На основе лексических элементов (полнозначных слов) развиваются грамматические элементы – морфемы, служебные слова; конкретные элементы, слова трансформируются в абстрактные элементы системы, объединяясь в типичные модели словообразования, части речи; менее абстрактные грамматические категории переходят в более абстрактные и даже формализованные (род в именах, классы в глаголах). Именно эта закономерность обусловила современное сложное членение языковой системы на подсистемы лексики, словообразования, грамматики и др. Приведем пример, как на основе полнозначных слов возникают аффиксы. В числительных типа *двадцать* морфема *-дцать* является суффиксом, а по происхождению это полнозначное слово – числительное *десять* в местном падеже; аналогично в *тринадцать* суффикс *-надцать*” по происхождению является числительным *десять* в местном падеже с предлогом *на*.

7. Присущей всем языкам мира является также закономерность отчленения элементов языковой структуры. Первоначально человечество пользовалось нечленимыми элементами языка: звуковой комплекс был и словом, и предложением. Постепенно сформировалось противопоставление фонемы морфеме и слову, слова – предложению и т.д. Еще в XII в. в древнерусском языке не было четкого противопоставления сложносочиненных предложений сложноподчиненным. Изначально в праиндоевропейском и других языках существительное и прилагательное не различались. На протяжении определенного периода было нерасчлененное имя, которое одновременно обозначало и предмет, и признак. Это убедительно показал А. А. Потебня. Современное разделение слов на имена и глаголы также неизначально. Ему предшествовало такое состояние языка, когда не было имен и глаголов, а было диффузное слово, употреблявшееся для обозначения деятеля и процесса. Дифференцируются звуки, значения, типы словообразования и т.д.

8. Закон аналогии, уподобления одних структурных элементов другим. Так, заимствованные слова начинают изменяться по моделям языка, в который попали; новые слова, словосочетания, предложения создаются по уже существующим моделям и т.д. Чередование *г, к, х // ж, ч, ш // с, ц, с* в древнерусском языке, которые в полной мере представлены в современном украинском (*нога – ніжка – нозі, рука – ручка – руці, вухо – вушко – у вусі*), в русском языке нарушены действием аналогии: *рука – ручка*, но *руке* (вместо *руце*, где фонема *ц* заменилась фонемой *к* по образцу большинства форм этого слова: *рука, руку, рукой*); *нога – ножка*, но *на ноге; уха – ушко*, но *в ухе* и под. По аналогии с существующими словами, с их морфемным строением образуются формы новых слов. Известные нам типы словообразования, изменение слов по падежам, строение предложений обязаны закону аналогии. Так, в истории русского языка в результате действия закона аналогии перестроилась система склонения: вместо древних пяти типов осталось три; система времен из восьми древних сократилась до трех новых. Действие аналогии в каждом конкретном случае нуждается в конкретном толковании, необходимо знание тех структурных условий, совокупность которых дала возможность этому закону действовать.

9. Закон экономии. Этот закон языковеды (Г. Курциус, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. Мартине и др.) рассматривали как непосредственную причину и источник многих языковых изменений. Такое толкование является в определенной мере субъективным и разноплановым. То, что непосредственно воспринимается как принцип экономии, обнаруживает противоречие между говорящим и слушателем. Говорящий стремится меньше тратить усилий – слушатель нуждается в ясной и четкой мысли; поэт стремится к образному языку, эмоциональному и индивидуальному, а ученый высказывается точно и доказательно. Так в языке появляются факты экономные и неэкономные, слова конкретные и абстрактные, сложные и простые конструкции и т.д. Принцип экономии понимают еще как стремление к языковому совершенству, как проблему прогресса в языке (во времена А. Шлейхера проблема прогресса в языке связывалась с морфологическими типами языка, с аналитизмом и синтетизмом морфологических форм). Н. В. Крушевский противопоставлял принципу экономии **принцип универсальности** как стремление к идеалу, к общему и отдельному соответствию слов понятиям. Эти принципы нельзя толковать как абсолютные, одинаковые для всех языков. И. А. Бодуэн де Куртенэ говорил об удобстве в языке: оно по-разному проявляется в языковом мышлении, артикуляционной и акустической сторонах речевой деятельности. Следствиям действия закона экономии в фонетике можно считать процессы ассимиляции, диссимиляции, диерезы, протезы, эпентезы, гаплоггии, сингармонизма, сокращение длины слов в некоторых языках и т.д. [3, с. 198].

Изучение внешних и внутренних факторов развития языка – очень сложная задача. В пределах одной статьи невозможно показать все особенности развития

языковой системы, поэтому перспективным является дальнейшее их изучение на всех уровнях. Это будет способствовать совершенствованию вузовского курса «Общее языкознание».

РЕЗЮМЕ

Статтю присвячено вивченню законів розвитку мовної системи, представлених у працях учених XIX – XX ст. Розглядаються проблеми розмежування зовнішніх і внутрішніх факторів мовних змін. Показано, що принципово нове було внесено тим чи іншим лінгвістом у дослідження закономірностей мовних змін і які положення вчених зберегли свою актуальність для подальших досліджень.

Ключові слова: зовнішні і внутрішні закони розвитку мов, теорія двох періодів мовного розвитку, закони аналогії і економії, закономірності абстрагування і відчленування елементів мовної структури.

SUMMARY

The article is devoted to the study of the laws of development of the language system, observed by the scientists of the XIXth – XXth c. The problems of distinguishing between external and internal factors of language change are discussed. It is shown that something fundamentally new has been done by one or another linguist to study patterns of language change and what provisions of scientists have maintained their relevance for further research.

Key words: external and internal laws of language development, the theory of the two periods of language development, the laws of analogy and savings, patterns of abstraction and segregation of the elements of linguistic structure.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Реформатский, А. А. Введение в языковедение. – 4-е изд., испр. и доп. [Текст] / А. А. Реформатский. – М. : Просвещение, 1967. – 542 с.
2. Кодухов, В. И. Общее языкознание [Текст] / В. И. Кодухов. – М. : Высшая школа, 1974. – 303 с.
3. Кочерган, М. П. Загальне мовознавство : підручник для вузів [Текст] / М. П. Кочерган. – К. : Академія, 1999. – 287 с.
4. Чемоданов, Н. С. Сравнительное языкознание в России: Очерк развития сравнительно-исторического метода в русском языкознании [Текст] / Н. С. Чемоданов. – М. : Учпедгиз, 1956. – 95 с.
5. Сорокин, Ю. С. Эволюция понятия историзма в русском языкознании 1830 – 1840-х гг. [Текст] / Ю. С. Сорокин // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / отв. ред. А. В. Десницкая. – Л. : Наука, 1984. – С. 200–235.
6. Аксаков, К. С. Опыт русской грамматики [Текст] / К. С. Аксаков. – М., 1860. – Ч. 1. – Вып. 1. – 176 с.
7. Десницкая, А. В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков [Текст] / А. В. Десницкая / отв. ред. П. С. Кузнецов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 332 с.
8. Потебня, А. А. К истории звуков русского языка [Текст] / А. А. Потебня. – Воронеж, 1876. – Ч. 1. – VI. – 243 с.
9. Jagić, V. [Рец. :] A. Potebnja. Aus den Memoiren über die russische Grammatik [Текст] / V. Jagić // Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – М. : Просвещение, 1977. – Т. 4. Вып. 2. – С. 335–340.
10. Остгоф, Г. Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков» [Текст] / Г. Остгоф, К. Бругман // Хрестоматия по истории языкознания XIX – XX веков / сост. В. А. Звегинцев. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1956. – С. 147–158.

11. Десницкая, А. В. Понятие языкового развития и языковой истории в лингвистической концепции Августа Шлейхера [Текст] / А. В. Десницкая // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / отв. ред. А. В. Десницкая. – Л. : Наука, 1984. – С. 236 – 276.
12. Глущенко, В. А. Принципи порівняльно-історичного дослідження в українському і російському мовознавстві (70-і рр. XIX ст. – 20-і рр. XX ст.) [Текст] / В. А. Глущенко / НАН України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; відп. ред. О. Б. Ткаченко. – Донецьк, 1998. – 222. с.
13. Потебня, А. А. К истории звуков русского языка: Этимологические и другие заметки [Текст] / А. А. Потебня. – Варшава, 1883. – Ч. 4. – 86, X с.
14. Колосов, М. А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка [Текст] / М. А. Колосов. – Варшава, 1878. – 270 с.
15. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1977. – Т. 4. Вып. 2. – 406 с.
16. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А. А. Потебня. – 3-е изд. – М. : Учпедгиз, 1958. – Т. 1–2. – 536 с.
17. Потебня, А. А. Синтаксис русского языка [Публікація А. Я. Опришка] [Текст] / А. А. Потебня // Наукова спадщина О. О. Потебні і сучасна філологія. До 150-річчя з дня народження О. О. Потебні : Зб. наук. праць / Відп. ред. В. Ю. Франчук. – К. : Наук. думка, 1985. – С. 206–221.
18. Потебня, А. А. Разбор сочинения П. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия» [Текст] / А. А. Потебня. – К., 1876. – СПб., 1878. – 76 с.
19. Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка [Текст] / И. И. Срезневский. – М. : Учпедгиз, 1959. – 135 с.
20. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 624 с.
21. Будагов, Р. А. Портреты языковедов XIX – XX вв. : из истории лингвистических учений [Текст] / Р. А. Будагов – М. : Наука, 1988. – 320 с.

Надійшла до редакції 03.09.2013 р.